

Российское общество: региональные исследования

DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9285
EDN TUPBBS

Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе

В. А. Шилова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: *Шилова В. А.* Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 96–112. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9285. EDN TUPBBS

Аннотация. Автором статьи разводятся понятия дифференцирующих признаков территорий, которые придают им своеобразные черты, и неравенств, которые приводят затем к неравным возможностям жителей одних территорий получать блага и реализовывать свои потребности по сравнению с жителями других территорий. Социально-территориальными неравенствами автор называет значимые различия в материальном достатке, доступе к ресурсам, культурном капитале, политических возможностях, участии в принятии решений и т. д., детерминируемые территориальной принадлежностью индивидов и, соответственно, связанные с неравенством самих территорий. Региональные социально-территориальные неравенства автор связывает с проживанием индивида в том или ином регионе России с определённым уровнем развития.

В статье рассматриваются различные подходы к выявлению и оценке неравенств территорий и, как следствие, социально-территориальных неравенств, предлагается выделить отдельные показатели («одномерные факторы») территориальных особенностей в группы факторов («стратификационные комплексы») по принципу их принадлежности к характеристикам одной из сред обитания человека.

На основе анализа данных репрезентативного опроса (проведённого в 2019–2020 гг. под руководством проф. А. В. Тихонова при поддержке гранта РНФ № 19-18-00945) с использованием вторичной концептуализации автор демонстрирует неравенство в 12 регионах России по оценкам положения дел (по 11 индикаторам) в трудовых отношениях, системах здравоохранения, образования, права, правопорядка и безопасности.

С использованием метода парных корреляций (Спирмена) автор устанавливает связь между оценками положения дел в отдельной системе жизнедеятельности и оценкой управления работой по решению проблем в данной системе. Таким образом, автор подтверждает свое предположение, что региональная система управления является направленным процессом, оценки результатов которого связаны с оценкой самой ситуации в той или иной сфере.

Ключевые слова: неравенство территорий, социально-территориальные неравенства, региональные социально-территориальные неравенства, нерукотворная среда, рукотворная среда, социальные системы, антропологическая среда, культурная среда, система управления регионом

Несмотря на то, что вопрос связи неравенства территорий и социально-территориальных неравенств населения, проживающего, соответственно, на бедных и богатых территориях, стоит достаточно давно в научной повестке, он не перестаёт быть актуальным.

Исследование Д. Коттера бедности людей, живущих на «бедных территориях», показало, что связь между бедностью места и бедностью его жителей существует. Им отмечается связь между структурными (детерминированными территорией проживания) и индивидуальными факторами бедности, а также повышение вероятности бедности при условии проживания респондента в сельской местности. Таким образом, он приходит к выводу, что «структура возможностей» определённой местности является детерминирующим фактором занятости и уровня дохода населения [10].

Репрезентативный опрос по административно-территориальным округам, проведённый группой социологов в 2006 г. и описанный в работе О. И. Шкаратана, наглядно продемонстрировал социально-территориальное неравенство России в двух его разрезах. С одной стороны, была зафиксирована значительная степень отличия значения индекса уровня социального капитала в зависимости от проживания респондента в том или ином регионе или округе. Так, в Московском регионе в выборку не попал ни один респондент, у которого отсутствовал бы социальный капитал, а в Северном федеральном округе он отсутствовал более чем в 20% случаев. С другой стороны, по типу территориального поселения наименьшие средние значения индекса уровня социального капитала зафиксированы в ПГТ и сельской местности, наивысшие – в Москве и Санкт-Петербурге [9, с. 226–227].

В исследовании социального благополучия россиян, проведённого под руководством члена-корреспондента РАН М. Ф. Черныша, неоднократно подтверждалась связь уровня социального благополучия (материального достатка, субъективного ощущения себя счастливым), а также уровня доступности социальных институтов и услуг с территориальной принадлежностью респондента [2].

Вслед за И. П. Рязанцевым, который отмечает большой вклад социальных географов в развитие как исследований неравенства территорий (потому что ими были описаны принципы неравномерного территориального развития), так и исследований социально-территориальных неравенств (потому что благодаря им пришло

понимание того, что «пространство играет важную роль в структурировании социальных отношений» [5, с. 67; 4]), мы считаем важным выделить пространственный подход, который активно используется социальными географами и в котором пространственное развитие рассматривается как внешний фактор развития общества. В частности, Т. Г. Нефёдова отмечает остроту пространственной неравномерности развития России и пишет о сильном межрегиональном неравенстве. В проведённом под её руководством масштабном исследовании староосвоенных районов России выявлен ряд ключевых закономерностей: во-первых, усиление территориальных различий в разрезе центр – периферия; во-вторых, неравномерность социально-экономического развития регионов и их частей, что приводит к ещё большему неравенству; в-третьих, связь стабильного расселения с аккумуляцией культуры и обеспечением преемственности развития; в-четвертых, нехватка в крупных агломерациях природы, а на периферии, где её много, – нехватка людей; в-пятых, внутри регионов прослеживается сильная поляризация условий жизни в региональных центрах и малых городах, ПГТ, сельской местности [8].

Под неравенством территорий мы подразумеваем такие территориальные различия, которые приводят к неравным возможностям получения тех или иных благ его жителями и, как следствие, ведут к статусным различиям и стратификации территорий.

Социально-территориальным неравенством в своей работе мы называем социально-статусные неравенства, которые определяются принадлежностью индивида к той или иной социально-территориальной общности с факторами неравенства, характерными для неё (определение И. П. Рязанцева). Таким образом, в территориальном подходе к определению социального неравенства традиционные детерминирующие факторы, такие как гендер, возраст, этническая и конфессиональная принадлежность, отходят на второй план, а на первый план выходит фактор принадлежности к той или иной территории.

Социально-территориальной общностью (СТО) мы называем группу индивидов, проживающих на определённой территории, являющуюся коллективным субъектом.

В своей работе мы опираемся на разработки Т. М. Дридзе в области экоантропоцентрической парадигмы, прежде всего нам важна трактовка ею социальных институтов, которые формируются в процессе обмена между человеком и его окружающей средой [1]. И трактовка жизненной среды человека, которая включает в себя (по Т. М. Дридзе) «по меньшей мере четыре аспекта измерения: природный – флора, фауна, вода, атмосферный воздух; «рукотворный» – плоды технико-технологической цивилизации; информационный – потоки знаков и символов, транслируемые в связывающие людей друг с другом коммуникационные сети; социопсихоантропологический – другие люди с их менталитетом, образом и стилем жизни и т. п.» [1, с. 24].

В работе о провинциальном обществе Ю. М. Плюсниним обосновывается важная, с нашей точки зрения, идея неразрывности трёх компонентов социального поведения, а именно: организации пространства локального сообщества (обитания), выстроенных систем отношений (так называемого бытования) и си-

стемы жизнеобеспечения (так называемого хозяйствования) [3]. Это созвучно идеям Т. М. Дридзе и находит отражение в нашем подходе к систематизации групп факторов, детерминирующих региональные территориальные неравенства.

Помимо понятия территориального неравенства, мы будем также использовать понятие территориальной дифференциации, которое связано с отличительными характеристиками территорий, определяющими их особые свойства.

Профессором Д. Груски были систематизированы основные стратификационные критерии. Он их связал с группами благ, которыми владеет индивид, выделив семь групп, отметив в каждой группе авторов, исследовавших данный вопрос: 1) экономические, к которым он отнёс владение землёй, предприятиями, бизнесом, финансами, ликвидными активами, людьми, рабочей силой и т. д. (К. Маркс, Э. Райт); 2) политические, к которым он отнёс владение властью в разных сферах (от семьи до государства) (М. Вебер, Р. Дарендорф); 3) культурные, к которым он отнёс практики потребления, присущие людям с высоким общественным положением; «хорошие манеры», привилегированный образ жизни (П. Бурдьё, П. Димаджио); 4) социальные — доступ к высокостатусным социальным сетям, социальным связям, ассоциациям и клубам, союзам (Л. Уорнер, Дж. Коулмэн); 5) почётные — престиж, «хорошая репутация», слава, уважение и унижение, этническая и религиозная чистота (Э. Шилз); 6) гражданские — права собственности, контракта, голоса и членства в выборных органах, свобода союзов и слова (Д. Маршалл, Р. Брубэкер); 7) человеческие — мастерство, компетенция, обучение на работе, опыт, формальное образование, знание (К. Сваластога, Г. Беккер) [См.: 9, с. 156–157].

Возникает закономерный вопрос: в какой степени региональная территориальная принадлежность индивида может оказывать влияние на эти семь групп факторов?

Высокий уровень регионального неравенства стоимости земли и недвижимости, безусловно, детерминирует региональные экономические социально-территориальные неравенства. Региональные политические неравенства отчётливо прослеживаются только в разрезе столичных регионов и всех остальных. Культурные неравенства будут реализовываться в разрезе Москвы, Санкт-Петербурга, регионов с городами-миллионниками и всех остальных регионов. Также здесь будет играть роль фактор удалённости того или иного региона от так называемых культурных центров. Группы социальных, «почётных» гражданских и человеческих стратификационных критериев в региональном разрезе, на наш взгляд, также будут реализовываться в разрезе центр — периферия, богатый регион — бедный регион.

К вопросу неравенства региональных территорий

Прежде всего, чтобы перейти к описанию неравенства региональных территорий, необходимо выделить классификационные основания факторов, детерминирующих это неравенство. Речь идёт о группах факторов, которые тем или иным образом влияют на современное состояние ключевых характеристик

комфортности среды обитания человека и возможностей реализовывать им свои потребности (от базовых до потребностей самовыражения). Мы предлагаем выделить пять ключевых групп, связанных с каждой из базовых характеристик среды обитания человека: нерукотворной, рукотворной, социальной структуры, антропологической и информационной (в широком понимании). Здесь в определение среды, по Т. М. Дридзе, мы добавляем «социальные структуры».

Первая группа факторов относится к характеристикам нерукотворной среды:

- географическое расположение региона – северные, южные, западные, восточные и центральные регионы;
- геологическое строение и тектонические области;
- рельеф – горный, равнинный;
- климатические условия – южные, северные, арктические зоны;
- природные воды (океаны, моря, реки, озёра, другие водные ресурсы);
- характеристики почвенного покрова – условия для выращивания определённых культурных растений;
- природные ископаемые (ресурсы) – уголь, нефть, газ, руды, драгоценные металлы и проч.;
- растительный мир – наличие и качество лесного покрова, полезных растений, грибов, ягод и т. д.;
- животный мир – наличие и количество ценных пород рыб, редких животных с ценным мехом и т. д.;
- уникальные природные творения или явления (озёра, водопады, горы, каньоны и т. д.; полярные ночи, северные сияния и т. д.).

Когда мы говорим о неравенстве территорий, нам необходимо очень чётко провести грань – в каких случаях территориальные различия (дифференциация) перерастают в территориальные неравенства. Если речь идёт, например, о первой группе нерукотворных факторов среды, то целесообразно их называть территориальными различиями, и только на следующем этапе, вместе с факторами второй и третьей групп, различия территорий переходят в неравенства территорий и становятся детерминантами социально-территориальных региональных неравенств.

С развитием государственности факторы нерукотворной среды в разрезе каждого региона приобретают социальное значение, например – все земли Российской Федерации поделены на семь категорий («целевых назначений»): сельскохозяйственного назначения; населённых пунктов; промышленности и иного специального назначения; особо охраняемых территорий и объектов; лесного фонда; водного фонда; запаса.

Таким образом, каждый регион имеет определённые прописанные законодательством целевые назначения земель. И в зависимости от возможностей и наложенных ограничений на их использование регион находится в более или

менее выгодных условиях для дальнейшего развития, а, соответственно, данный фактор мы можем уже рассматривать как фактор неравенства в разрезе региональных территорий.

Вторая группа факторов относится к характеристикам рукотворной среды:

- объекты энергетической инфраструктуры (ТЭЦ, ГРЭС, АЭС, ветряные и солнечные станции и пр.);
- объекты транспортной инфраструктуры (наличие транспортных сооружений (автомобильных и железных дорог, мостов, тоннелей, аэродромов, ремонтных мастерских и пр.) и их вариативность; автозаправки, газовые и электрические заправки для машин и других видов транспорта);
- предприятия тяжёлой промышленности (добывающая, обрабатывающая, атомная промышленность (металлургические заводы), машиностроительный комплекс, самолетостроение, заводы сельскохозяйственной техники, станкостроение, военно-промышленный комплекс);
- предприятия лёгкой промышленности (мебельные фабрики, пищевые фабрики, комбинаты, швейные фабрики, цеха, лакокрасочные заводы и т. д.);
- наличие сельскохозяйственных сооружений (агропромышленных ферм, парников, хранилищ, мельниц, элеваторов и т. д.);
- объекты инфраструктуры ЖКХ – канализационные, водозаборные, водоочистительные, отопительные, газовые и др. сооружения;
- жилой фонд – жильё (качество и количество кв. м на человека, этажность, комфортность, наличие центральных систем горячего и холодного водоснабжения, отопления, канализации, газификации);
- нежилой фонд – общественная инфраструктура (сооружения общественного пользования) – объекты медицинской (поликлиники, больницы, ветлечебницы, медицинские центры), образовательной (детские сады, школы, гимназии, училища, техникумы, вузы), спортивной (стадионы, бассейны, ледовые арены, теннисные корты, воркауты, беговые дорожки и т. д.), музыкальной (школы, училища, вузы, залы), культурной (театры, музеи, дома творчества, изобразительные школы, вузы), управленческой (здания администрации президента, Государственной Думы, Совета Федерации, мэрии, министерств, ведомств, законодательных собраний, органов муниципального управления и местного самоуправления), международной (здания посольств, консульств, представительств других государств), гражданского общества (благотворительных фондов, партий, общественных организаций) и других сфер. Торговые площади и сфера услуг – торговые мегacentры, молы, гипермаркеты, супермаркеты, магазины, рынки. Банки. Заведения общепита – рестораны, кафе, банкетные залы. Заведения сферы услуг – парикмахерские, бани, сауны, маникюрные, массажные салоны, тату-салоны, химчистки и пр.;

- религиозные сооружения и памятники архитектуры (объекты историко-культурного наследия) – кремли, соборы, монастыри, усадебные ансамбли, парки, крепостные стены, боярские палаты, монументы, памятники известным личностям, мемориальные сооружения;
- уникальные рукотворные творения (чудеса России);
- военные сооружения – оборонительные укрепления, казармы, полигоны, воинские части, военные аэродромы, вертолётные площадки, бомбоубежища, штабы и пр.;
- объекты инфраструктуры связи (телеграф, телефон, мобильная связь, интернет-связь (проводная, беспроводная), GPS, 3-4-5G, LTE и т. д.;
- IT-инфраструктура – цифровые фермы, сервисные центры, цифровые хранилища и т. д.

Оценивая вторую группу характеристик региона, мы можем, сравнивая наличие и отсутствие у региона тех или иных объектов инфраструктуры, говорить уже о неравенствах территорий, а также оценивать эти неравенства по критерию отобранных нами индикаторов.

Здесь важно отметить, что система показателей неравенства территорий имеет сложную многомерную и многоуровневую структуру, которая в настоящий момент представлена отдельными индексами (данными Росстата, органов власти и управления), но не имеет целостного контура, построенного на определённых системных принципах.

Третья группа факторов относится к характеристикам социальных систем (общественных структур):

- система жизнеобеспечения (экология, ЖКХ, безопасность);
- транспортная система (наличие железнодорожного, водного транспорта, автомобильных дорог, авиаперевозок, других видов транспорта);
- экономическая система (рынок, финансы, промышленность, добыча, производство, предпринимательство, сельское хозяйство, экспорт, импорт);
- законодательная система (работа федеральных, региональных и муниципальных законов, работа органов законодательной власти);
- правовая система (обеспечение соблюдения законодательства);
- образовательная система (дошкольное, школьное, среднее специальное (техническое), высшее образование, подготовка кадров высшей квалификации);
- система здравоохранения (поликлиники детские и взрослые, больницы, специализированные центры, научные институты, санатории);
- система культуры и спорта (наличие театров, концертных залов, домов творчества и культуры, музыкальных, театральных, изобразительных школ, музеев);

- система средств связи, межличностные, групповые и массовые коммуникации (доступ к средствам связи, телефон, мобильный телефон, радио, ТВ, интернет, местные печатные СМИ, радио, ТВ-издания, интернет-порталы, развитые социальные сообщества в сетях);
- туристическая система (наличие гостиниц, объектов историко-культурного наследия или природных заповедных зон, туристических маршрутов, экскурсионных бюро, потока туристов);
- система управления (властно-управленческая вертикаль, стиль управления, качество работы органов власти, уровень доверия населения, наличие признанных лидеров и т. д.);
- система научного знания (наличие научно-исследовательских институтов, аспирантур, диссертационных советов, научных школ, а также открытий, изобретений, технологий, внедрений, патентов у учёных региона);
- система ИТ (наличие ИТ-специалистов, технологий, гаджетов и программ к ним);
- военная система (наличие армии, флота, различных родов войск и т. д.);

Мы перечислили далеко не все системы обеспечения жизнедеятельности региона, а обозначили, на наш взгляд, наиболее важные.

Необходимо отметить тесную связь второй и третьей групп факторов, они являются взаимозависимыми и взаимообуславливающими друг друга. Так, наличие инфраструктуры детерминирует деятельность системы, а деятельность системы обуславливает появление необходимой инфраструктуры.

Четвёртая группа факторов относится к антропологическим характеристикам социальных групп (составу населения):

- демографическая ситуация (плотность населения, половозрастной состав);
- средний уровень образования населения;
- профессиональный состав;
- здоровье населения и физическое состояние;
- материальная обеспеченность населения, уровень достатка;
- средний размер заработной платы и социальных выплат на территории;
- психосоматическое и эмоциональное состояние (удовлетворённость жизнью, показатели субъективного благополучия, настроения);
- освоенные и используемые населением трудовые практики;
- характеристики взаимодействия индивидов и групп.

Факторы данной группы мы можем отнести к показателям, которые используются при исследовании человеческого капитала. Также мы можем предположить, что система индикаторов, описывающая человеческий капитал в региональном разрезе, сможет наглядно иллюстрировать как неравенства территорий, так и региональные социально-территориальные неравенства.

Пятая группа факторов относится к информационной системе, а также к культурным нормам, образцам поведения, ценностям, традициям, законам и знаниям:

- накопленные знания, инновации, технологии;
- морально-нравственный кодекс;
- традиции и обычаи;
- информационные системы (банки данных).

«Одномерные» факторы социального неравенства (определение И. П. Рязанцева) складываются в обобщённые факторы – так называемые «стратификационные комплексы», характеризующие работу отдельных систем и региона в целом. К ним мы можем отнести: уровни экономического развития, модернизации, информатизации, цифровизации, урбанизации региона, гражданского общества и другие обобщённые характеристики. Например, общественные отношения и человеческий капитал можно изучать через призму напряжённости межнациональных отношений, уровня протестной активности, толерантности, инклюзии, сплочённости, коррумпированности и так далее.

Управление как фактор территориального неравенства

Одной из ключевых задач, которую мы перед собой ставили и для решения которой нам было необходимо систематизировать все группы факторов и отдельных показателей, свидетельствующих о неравенстве территорий и детерминирующих социально-территориальные неравенства, это – определить роль и положение «показателя управления территорией» в общей системе факторов.

В ходе проделанной работы у нас сложилось представление о роли характеристик региональной системы управления как одного из ключевых критериев в оценке региональных неравенств – с одной стороны, и как направленного процесса, в ходе которого изменяются отдельные показатели или целые системы факторов, – с другой стороны.

Результаты эмпирического исследования. Свои предположения мы проверили на анализе данных опроса, с использованием вторичной концептуализации, который был организован и проведён Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН под руководством проф. А. В. Тихонова при поддержке гранта РФФ № 19-18-00945. Опрос длился два года (2019–2020), в ходе которых было собрано 6021 анкета в 12 регионах (по 500 в каждом). Форма анкетирования – самозаполнение анкеты респондентом.

В ходе анкетирования респондентам было предложено оценить положение дел в окружающей их обстановке по месту жительства по пятибалльной шкале по 32 показателям.

На первом этапе своего исследования мы выделили и проследили изменение оценок положения дел в четырёх ключевых системах жизнедеятельности, используя оценки по 11 ключевым показателям (в трудовых отношениях, образовании, здравоохранении, в области права, правопорядка и безопасности) в региональном разрезе.

На рисунке 1 мы можем наблюдать региональные особенности положения дел в трудовых отношениях. По оценкам жителей региона, дела обстоят значительно хуже в Республике Калмыкия, Свердловской и Белгородской областях, а также оценки по отдельным показателям ниже в Нижегородской области.

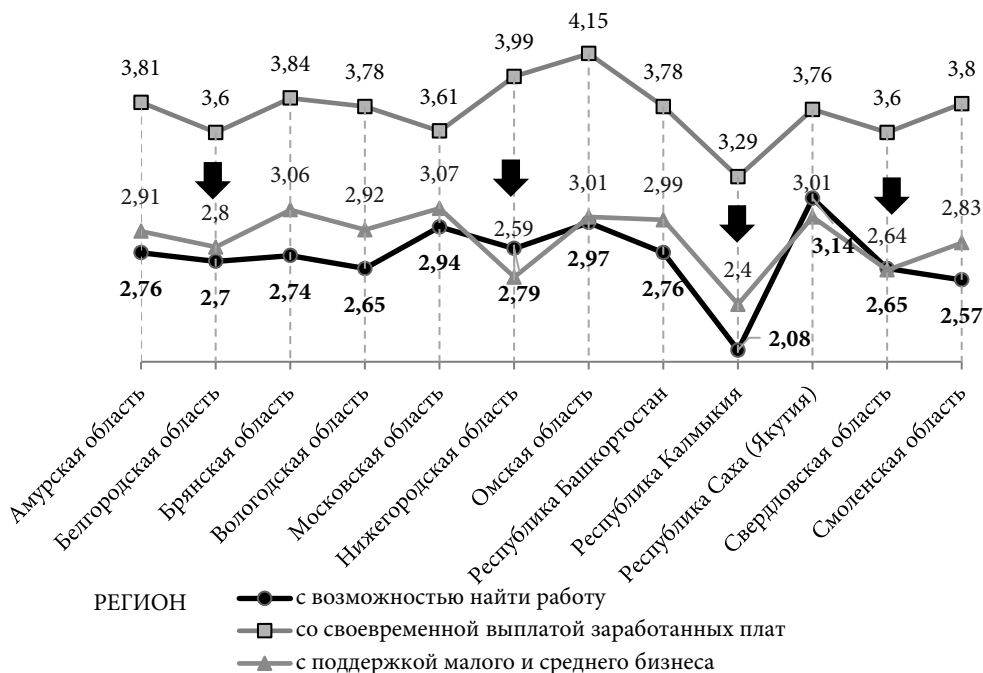

Рис. 1. Средние оценки жителей ситуации в системе трудовых отношений, региональный разрез, пятибалльная шкала

Аналогичные выводы можно сделать и из данных рисунка 2. Мы видим, что существует региональная специфика оценки системы образования респондентами по месту их жительства. Как и в оценках трудовых отношений, Белгородская, Свердловская области и Республика Калмыкия отстают от других регионов. И наоборот, Республика Саха (Якутия) демонстрирует стабильно высокие показатели.

В оценках системы здравоохранения (рис. 3) прослеживается намеченная ранее тенденция, в аутсайдерах по-прежнему Республика Калмыкия, Нижегородская, Свердловская области.

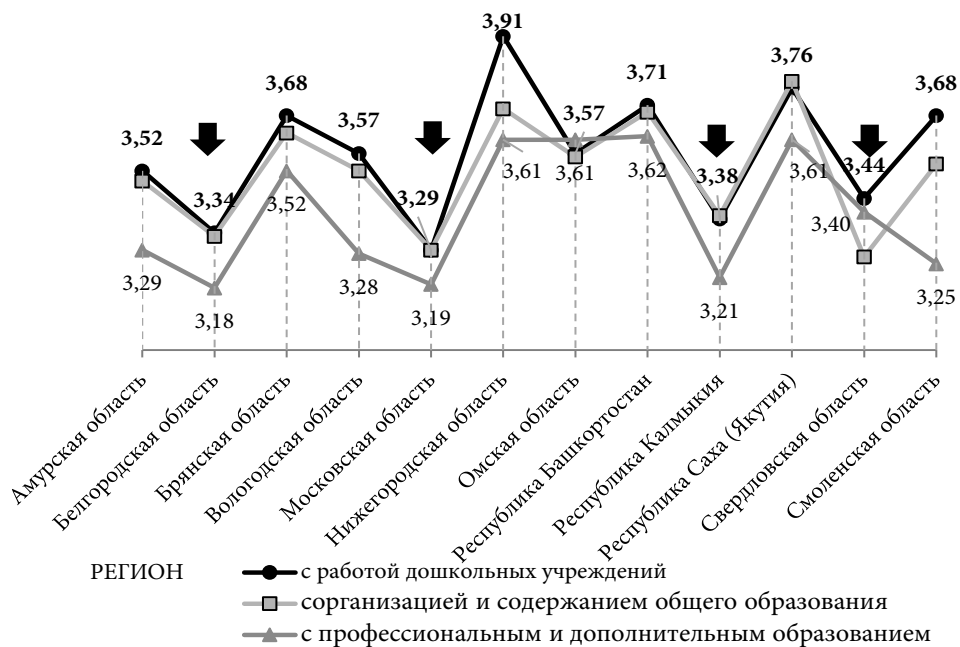

Рис. 2. Средние оценки жителей ситуации в системе образования, региональный разрез, пятибалльная шкала

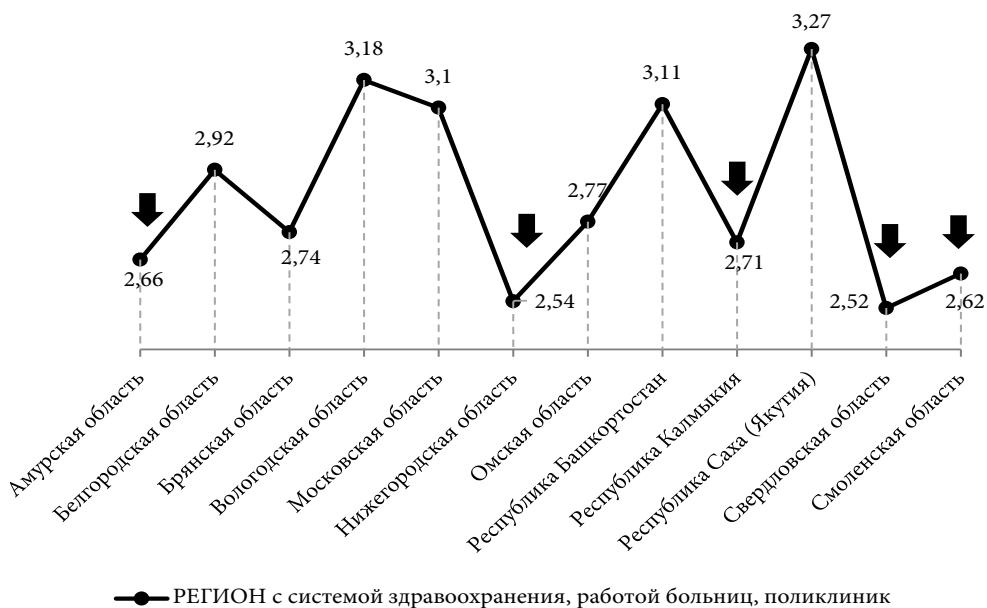

Рис. 3. Средние оценки жителей ситуации в системе здравоохранения, региональный разрез, пятибалльная шкала

На рисунке 4 демонстрируются оценки жителями работы систем права, правопорядка и безопасности. Показатели снижаются также в Республике Калмыкия, Белгородской, Нижегородской областях.

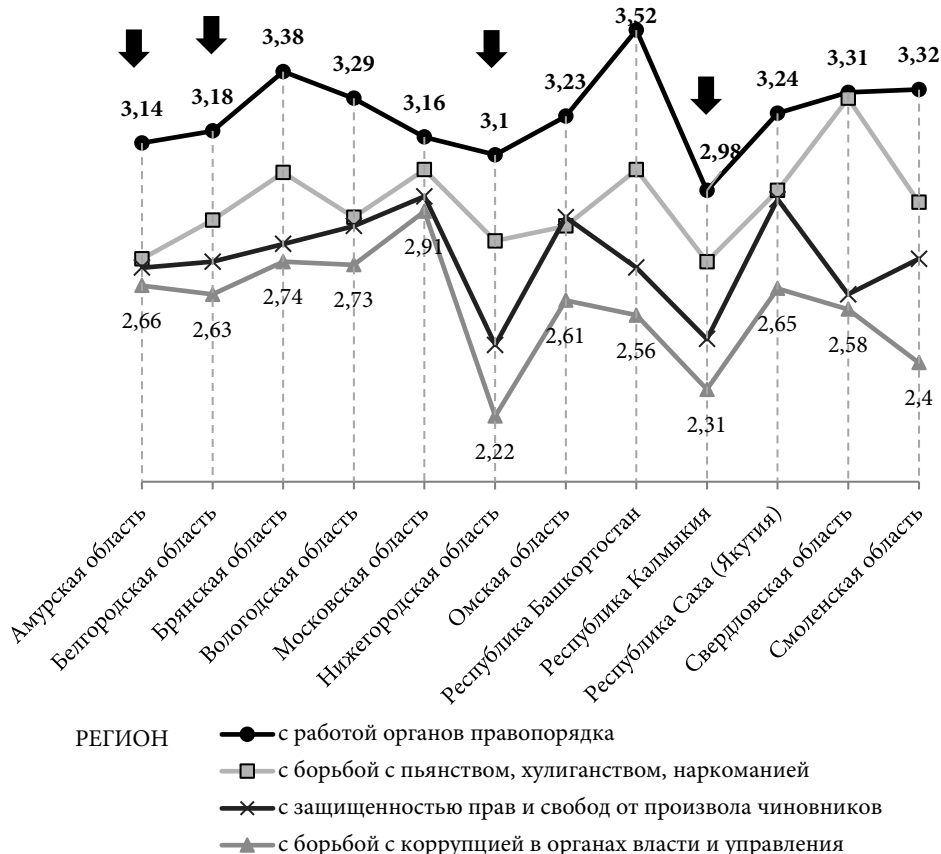

Рис. 4. Средние оценки жителей ситуации в системах права, правопорядка и безопасности, региональный разрез, пятибалльная шкала

Если обобщить данные рисунков 1–4 и подвести итог, то оценки жителями жизненно важных региональных систем (трудовых отношений, образования, здравоохранения, права, правопорядка и безопасности) в Республике Калмыкия оказались ниже по всем показателям, в Белгородской, Свердловской, Нижегородской областях также прослеживается снижение оценок, которое носит системный характер. Таким образом, это позволяет нам говорить о неравенстве территорий, которое детерминирует региональное социально-территориальное неравенство и выражается в субъективных оценках жителей СТО.

Мы также проверили оценку положения дел в ключевых системах территориальной жизнедеятельности – в зависимости от уровня модернизации региона – и получили данные, сопоставимые с результатами, ранее описанными

коллегами. Жители регионов с низким или ниже среднего уровнем социокультурной модернизации, соответственно, хуже оценивают состояние дел во всех изученных нами сферах [6, 7].

На втором этапе для проверки связи между положением дел по отдельным показателям и оценками работы местных органов власти по решению этих проблем нами был использован метод парных корреляций (корреляция Спирмена).

Таблица 1

Динамика изменений коэффициентов корреляции Спирмена между оценками дел и оценками работы местных органов власти в разных системах жизнеобеспечения регионов

Оценка положения дел	Корреляция Спирмена между оценками дел и оценками работы местных органов власти	Оценка работы местных органов власти по решению перечисленных ниже проблем
В системе трудовых отношений		Управление системой трудовых отношений
С возможностью найти работу	0,642*	Обеспечение рабочими местами
Со своевременной выплатой заработной платы, пенсий, пособий	0,697*	Своевременные выплаты заработной платы, пенсий, пособий
С поддержкой малого и среднего бизнеса	0,622*	Поддержка малого и среднего бизнеса
В системе образования		Управление системой образования
С работой дошкольных учреждений	0,614*	Работа дошкольных учреждений
С организацией и содержанием общего образования	0,632*	Организация и содержание общего образования
С профессиональным и дополнительным образованием	0,623*	Профессиональное и дополнительное образование
В системе здравоохранения		Управление системой здравоохранения
С работой больниц, поликлиник	0,693*	Работа больниц и поликлиник
В системе права, правопорядка и безопасности		Управление системами права, правопорядка, безопасности
С работой органов правопорядка	0,620*	Работа органов правопорядка
С борьбой с пьянством, хулиганством, наркоманией	0,632*	Борьбы с пьянством, хулиганством, наркоманией
С борьбой с коррупцией в органах власти и управления	0,628*	Борьба с коррупцией в органах власти
С защищённостью прав и свобод от произвола чиновников	0,617*	Защищённость прав и свобод от произвола чиновников

*Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Следует отметить, что фиксируемая связь является статистической, а не причинно-следственной, и, таким образом, мы не можем утверждать, что лучшее положение дел в той или иной сфере способствует более высокой оценке работы местных органов по решению проблем в ней, а не наоборот.

Однако мы можем проследить отдельные тенденции: например, при оценке дел в системе здравоохранения и по своевременным выплатам заработной платы, пенсий, пособий показатели связи имеют более высокие значения, а оценка дел в системе образования с оценкой работы местных органов власти в этой области связана менее значимо.

Наше предположение о том, что региональная система управления является направленным процессом, оценки результатов которого связаны с оценкой самой ситуации в той или иной сфере, подтвердилось.

Выводы

В своей работе мы постарались развести ряд ключевых понятий, связанных с вопросами неравенства в региональном разрезе. Прежде всего мы разделили понятия дифференциации и неравенства территорий, выделили понятие социально-территориального неравенства и его региональный аспект.

Нами был предложен принцип разделения региональных характеристик на пять групп факторов, детерминирующих неравенства территорий, это в дальнейшем позволит изучать каждую группу факторов, разработав систему индикаторов как для отдельных показателей, так и систему индексов для группы в целом. Переход к так называемым «стратификационным комплексам» позволит посмотреть через призму общих черт региона на характеристики разных групп факторов. Например, уровень коррумпированности региона может накладывать отпечаток как на системы жизнеобеспечения региона, на человеческий капитал, так и на взаимоотношения между людьми и традиции.

Данный подход к систематизации региональных особенностей закладывает конфигурацию комплексной системы критериев оценки неравенств территорий, детерминирующих региональные социально-территориальные неравенства.

Стратификационные критерии Д. Грусски для нас будут являться показателями, по индикаторам которых можно отслеживать наличие (или отсутствие) и уровень региональных социально-территориальных неравенств.

В дальнейшем в рамках данной темы планируется социальное моделирование региональных неравенств и поиск путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений при задействовании регулятивных и управленческих механизмов систем.

Список литературы

1. Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20–28.
2. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования / Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко, В. А. Шилова, А. С. Лысухо // ИНАБ. 2020. № 1. 95 с. DOI 10.19181/INAB.2020.1. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089.

3. Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М. : Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3.
4. Пространство современной России: возможности и барьеры развития : размышления географов-обществоведов / А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов [и др.] ; отв. ред. : А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М. : ЗАО Издательское предприятие «Вузовская книга», 2012. 336 с. ISBN 978-5-9502-0681-8. EDN UBZKWL.
5. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / М. К. Горшков, А. Г. Гусейнов, А. В. Дмитриев [и др.]. М. : Новый хронограф, 2015. 624 с. ISBN 978-5-94881-290-8. EDN UCNWWMF.
6. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования: [монография] / А. В. Тихонов [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов ; А. А. Мерзляков ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN YNARHI.
7. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов, Е. М. Акимкин, В. С. Богданов [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. ISBN 978-5-89697-298-3. EDN YNBRPS.
8. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / К. В. Аверкиева [и др.] ; сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
9. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан [и др.] ; отв. ред. О. И. Шкаратан. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 321 с. ISBN 978-5-373-02292-7. EDN QTEQWH.
10. Cotter D. A. Poor People in Poor Places: Local Opportunity Structure and Household Poverty // Rural Sociology. 2009. Vol. 67, № 4. P. 534–555. DOI 10.1111/j.1549-0831.2002.tb00118.x.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шилова Валентина Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; доцент, ГАУГН, Москва, Россия.
E-mail: vshilova@yandex.ru
AuthorID РИНЦ: 76397

Дата поступления в редакцию: 09.08.2022. Принята к печати: 25.10.2022.

DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9285

Key Approaches to Identifying and Applying Criteria for Assessing Territorial and Socio-Territorial Inequalities in the Regional Context

Valentina A. Shilova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, Building 1 B. Andronievskaya St., Moscow, Russia, 109544

For citation: Shilova V. A. (2022). Key approaches to identifying and applying criteria for assessing territorial and socio-territorial inequalities in the regional context. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 4. P. 96–112. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9285

Abstract. The author explains the difference between differentiating features of territories that give them peculiar features, and inequalities, that result in unequal access to benefits and needs for the inhabitants of some territories compared with the inhabitants of other territories. Thus, the author defines socio-territorial inequality as differences in material wealth, access to resources, cultural capital, political opportunities, participation in decision-making, etc., determined by the territorial affiliation of individuals, and consequently related to the inequality of the territories themselves. The author attributes regional socio-territorial inequalities to the residence of an individual in a particular region of Russia, with a certain level of development.

The article considers various approaches to identification and assessment of inequalities of territories and as a consequence of socio-territorial inequalities, it is proposed to allocate separate indicators («one-dimensional factors») of territorial characteristics in a group of factors («stratification complexes»): they are defined as belonging to one of the human habitats.

Based on the analysis of the data of a representative survey (conducted in 2019–2020 under the guidance of Prof. A.V. Tikhonov with the support of the RNF grant 19-18-00945) using secondary conceptualization, the author demonstrates inequality in 14 regions of Russia in assessing the state of affairs (by 11 indicators) in labour relations, health, education, law, order and security.

Using the method of paired correlations (Spearman), the author establishes a link between assessments of the state of affairs in a separate system of vital activity and evaluation of management of work on solving problems in a given system. It thus confirms its assumption that the regional management system is a directional process, the evaluation of which involves the assessment of the very situation in a given area.

Keywords: inequality of territories, socio-territorial inequalities, regional socio-territorial inequalities, miraculous, man-made environment, social systems, anthropological environment, cultural environment, regional management system

REFERENCES

1. Dridze T. M. (2000). Ekoantropocentricheskaya model' social'nogo poznaniya kak put' k preodoleniyu paradigmal'nogo krizisa v sociologii [Ecoanthropocentric Model of Social Cognition as a Way to Overcome the Paradigm Crisis in Sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 2. P. 20–28. (In Russ.).
2. *Sub'ektivnoe i ob'ektivnoe blagopoluchie v sovremennom rossijskom obshchestve: rezul'taty jempiricheskogo issledovaniya*. (2020). [Subjective and objective well-being in modern Russian society: the results of empirical research]. Y. B. Epikhina, M. F. Chernysh, P. E. Sushko, V. A. Shilova, A. S. Lysuho. *INAB*. 2020. № 1. 95 c. DOI 10.19181/INAB.2020.1. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089. (In Russ.).
3. Plyusnin YU. M. (2022). *Social'naya struktura provincial'nogo obshchestva* [Social Structure of Provincial Society]. M. : Common Place; Fond social'nyh issledovaniy «Hamovniki». 448 p. (In Russ.).
4. *Prostranstvo sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiya : razmyshleniya geografov-obshchestvovedov*. (2012). [Space of modern Russia: opportunities and barriers of development : reflections of geographers-social scientists]. A. G. Druzhinin, V. A. Kolosov, V. E. SHuvalov [et al.] ; ed. by A. G. Druzhinin, V. A. Kolosov, V. E. SHuvalov. M. : Vuzovskaya kniga, 2012. 336 p. (In Russ.).
5. *Regional'naya sociologiya: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii*. (2015). [Regional sociology: problems of consolidation of social space of Russia]. M. K. Gorshkov, A. G. Gusejnov, A. V. Dmitriev [et al.]. M. : Novyj Hronograf. 624 p. (In Russ.).
6. *Reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v usloviyah realizacii nacional'nyh projektov i aktivizacii processov spontannogo gruppoobrazovaniya*. (2021). [Reforming the power-management hierarchy in the context of the implementation of national projects and activation of the processes of spontaneous group formation]. A. V. Tihonov [et al.] ; ed. A. V. Tihonov; A. A. Merzlyakov. FNISC RAN. M. : FNISC RAN, 2021. 455 p. (In Russ.).

7. *Rossija: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizacii regionov.* (2017). [Russia: Reforming the Power-Administrative Vertical in the Field of Socio-Cultural Preparation of the Regions]. A. V. Tihonov, E. M. Akimkin, V. S. Bogdanov [et al.]; ed. A. V. Tihonov. M.: FNIS RAN. 432 p. (In Russ.).
8. *Starosvoennye rajony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost'* (2021). [The old-fashioned districts in the space of Russia: history and modernity]. K. V. Averkieva [et al.]; ed. T. G. Nefedova, A. V. Starikova. M.: Tovarišchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2021. 379 p. (In Russ.).
9. *Social'no-ekonomičeskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii.* (2009). [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. O. I. SHkaratan [et al.]; ed. O. I. SHkaratan. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2009. 560 p. (In Russ.).
10. Cotter D. A. (2002). Poor People in Poor Places: Local Opportunity Structure and Household Poverty. *Rural Sociology*. № 4. P. 534–555.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shilova Valentina Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: vshilova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8899-2707

The article was submitted on August 09, 2022. Accepted on October 25, 2022.